

еще очень несовершенной — в новом «Словаре литературоведческих терминов», где зато нет статьи «Речь художественная»; ср. обратное положение в «Краткой литературной энциклопедии»); второе решение не менее фатально изолирует проблемы поэтического языка от проблем его стилей и от проблем литературного процесса.

Так или иначе, но в книге Л. И. Тимофеева (а показательно, что не только в ней) почти не ощущается обобщение лингвистического опыта исследования языка художественной литературы. Это сказывается и в разделе о тропах и, например, там, где мы сталкиваемся с неожиданными заявлениями вроде того, что тропов в стихотворении «Товарищу Нетте...», трудно поверить, но — «почти нет, и анализ их мы поэтому (!) опускаем» (с. 288). И уже не удивляет, что «мощное воздействие писателя на язык своего времени» сводится автором к таким двум пунктам: писатель «во-первых, знакомит читателя со всем многообразием языка народа, а во-вторых, помогает ему оценить его» (с. 265). А где же языкотворческая роль писателей, их роль в развитии самого поэтического языка и его стилей, до известной степени независимом от собственно просветительских задач в области общей культуры речи?

Чтобы подчеркнуть, что речь идет не об индивидуальной позиции одного из литературоведов, сошлюсь хотя бы на два примера из других работ последних лет. Один касается все того же «культы интонации», разговоры о которой способны, оказывается, исказить восприятие даже твердо установленных фактов. Так, недавно мы с удивлением узнали, что «фигурально выражаясь, звуковое удвоение — это тот кокс, который сгорает в домне интонационного восприятия»². Гореть-то он, возможно, и горит, да только не сгорает. Так что уж скорее все-таки это — птица феникс, ожидающая более заботливого отношения, не фигурального внимания. Другой пример представляет собой призыв к литературоведам «создавать свое языкознание» подобно тому, как биологи создали биохимию, а физики — «подсобную математику»³. Аналогия как будто правомерная, если только «подсобное» языкознание nebude порывать с опытом классического. Между тем у Горького А. В. Чичерину кажется «выразительным» «неназойливое созвучие» конечных согласных в сочетании *семипудовым куском*⁴. Остается только развести руками.

Как видим, за, казалось бы, частными вопросами, привлечшими внимание Л. И. Тимофеева в обзоре В. С. Баевского и П. А. Руднева, обнаруживается чуть ли не все здание лингвистической поэтики, тоже «особой» дисциплины, как и стиховедение, только еще более неудовлетворенной той степенью полноты, с которой нынешняя теория литературы «охватывает свой предмет». Опыт развития лингвистики (и семиотики) неоднозначен и недостаточно осмыслен самими лингвистами. Тем труднее освоить его литературоведам. Чем скорее будут созданы хотя бы краткие очерки истории русского поэтического языка XX в. и истории лингвистической поэтики, тем лучше будет выполнять свои задачи наша филология.

² Гончаров Б. П. Звуковая организация стиха и проблема рифмы. М., Наука, 1973, с. 118.

³ Чичерин А. В. Ритм образа. Стилистические проблемы. М., «Сов. писатель», 1973, с. 6.

⁴ Чичерин А. В. Указ. соч., с. 238.